

Спрятавшись в зарослях камыша, двое юношей растерянно переглядывались. Молчание затянулось.

Наконец Наоя кашлянул и отвёл взгляд в сторону:

— Клан Дзэнъин вовсе не собирается тебя убивать.

Это было почти правдой. На самом деле старейшины перед отправкой приказали ему сразу избавиться от мальчишки, но домашнее руководство советовало сначала присмотреться к Харе. Если тот окажется ценным приобретением — переманить в клан Дзэнъин, а если нет — прикончить на месте.

Боясь, что Харе не поверит его оправданиям, Наоя спесиво вздёрнул подбородок. На его красивом лице снова проступила привычная высокомерная мина.

— К тому же, — буркнул он, — мне просто лень пачкать руки.

— Прости, конечно, — Харе со скепсисом посмотрел на него, — но звучит чертовски неубедительно.

На холёном лице Наоя прямо-таки читалось: «Ты всё равно дурак, так что обойдётся любой глупой ложью».

Какая нагласть!

«Да у меня отец — сам Годжо Сатору, который может абсолютно всё на свете! А мама — одна из лучших выпускниц Технической школы магии! И этот индюк смеет сомневаться в моих умственных способностях?!» — мысленно взбунтовался Харе.

Сукуна, запертый во врождённой территории, прекрасно слышал эти вопли. Лениво созерцая багряные воды своего разума, где когда-то лежал Харе, Король проклятий скучающим тоном поинтересовался:

«Что там с нашей сделкой? Будем его убивать или как?»

«Планы поменялись. Он — посланник старейшин. Если я прикончу его прямо сейчас, то путь назад мне заказан. Ну же, зубастик, посиди тихонько и дай мне подумать».

Сукуна, которого внезапно погладили против шерсти словно домашнего питомца, опешил:

«И кто из нас ещё не умеет держать рот на замке?..»

Убедившись, что Король проклятий утихомирился, Харе ободряюще похлопал Наою по плечу:

— Ладно, проехали. Всё равно убить меня у тебя кишка тонка, да и умирать самому тебе явно не хочется. Давай лучше подумаем, как вытащить несчастных из реки.

Наоя нахмурился. Слишком уж задевали его эти слова.

Симптомы местных жителей отличались от обычного проявления проклятий. Харе заметил, что грибница в их телах намертво срослась с плотью. Подобное не могло произойти за один день. Судя по всему, мицелий медленно разрастался внутри них в течение всего последнего года, и теперь извлечь его без вреда для жизни было почти невозможно.

Но откуда взялись эти споры? В самом поселении Харе не обнаружил ни единого следа плесени. Как паразиты проникли внутрь, не оставив внешних улики? Через пищу?

Размышляя над этим, Харе осторожно приподнялся и выглянул из камышей в сторону древнего святилища.

Гору укрывал густой полог леса, сквозь который едва пробивался бледный свет луны. Вокруг царила непроглядная тьма. Перед святилищем тускло горели лишь две каменные лампы по обе стороны от ворот-торий. Само здание стояло тёмным, заброшенным — внутри не теплилось ни одной лампы.

Харе хватило одного взгляда, чтобы почуять неладное. Глубоко под землёй, прямо под фундаментом храма, шевелился колоссальный проклятый дух, напоминающий гигантскую жирную личинку. Его туша занимала всё подвальное пространство. Тёмно-пурпурная проклятая энергия, исходившая от твари, в точности совпадала с аурой грибных нитей в телах людей. Без сомнения, именно это чудовище превращало жителей в полусухие деревья.

У входа дежурили шестеро крепких мужчин, вооружённых топорами и тесаками для хвороста. От них тоже исходил след проклятой энергии, но она не принадлежала им лично и не гнездилась внутри. Скорее, они просто касались какого-то артефакта, и порча осела на их коже серой пылью.

Обычные люди, соприкасаясь с проклятыми предметами, неизбежно сходят с ума или погибают, однако эти стражи выглядели совершенно здоровыми. Как им это удалось?

На небольшой поляне перед ними стоял староста в окружении двух подручных. Перед ним на коленях, туго связанный грубой верёвкой, сидел молодой мужчина. Его тело покрывали свежие ссадины и кровоподтёки. Несчастный едва дышал.

— Наоя, — тихонько позвал Харе, — это он связался с нашими кураторами из «Окон»?

Наоя проследил за его взглядом и неохотно кивнул:

— Похоже на то.

Пока они переговаривались, староста скрылся в дверях святилища и вскоре вернулся, бережно неся в руках глиняную чашу с водой.

— Паршивый предатель! — прохрипел старик, брызжа слюной. — Представляешь, сколько из-за тебя проблем?! Сидел бы тихо да ждал своей доли от продажи древесины, горя бы не знал. А теперь... захлебнись своей глупостью и отправляйся вслед за семейкой — прорасти корнями в землю!

— М-м-м! — в ужасе замычал пленник, пытаясь вырваться. Подручные старосты тут же навалились на него, заламывая руки.

— Разожмите ему челюсти! — приказал старик, поднося чашу к его лицу.

Харе рванулся вперёд, чтобы помешать расправе:

— Нельзя! В этой воде споры мицелия — те самые, что пожирают людей изнутри! Если он выпьет...

Договорить он не успел. Наоя силой уложил его обратно в траву, зажав рот ладонью. Харе попытался брыкнуться, но за спиной послышались торопливые шаги.

Один из слуг, которого они приметили ещё на въезде, спешно бежал мимо их укрытия, размахивая бумажным фонарём:

— Староста! — тяжело дыша, закричал он на бегу. — Беда! Маги сбежали!

Старик дрогнул от неожиданности. Пленник воспользовался секундным замешательством и резко боднул старосту головой. Чаша выскользнула из трясущихся рук и со звоном разбилась о камни.

Вода разлилась, мгновенно впитавшись в сухую землю. На поверхности зашевелились уродливые червеобразные нити грибницы длиной с палец. Едва лишившись влаги, они скорчились, высохли и в мгновение ока обратились в серый пепел.

— Бездельники! Криворукие твари! — взревел староста. Его сморщенное, как печёное яблоко, лицо перекосило от злости.

Он с размаху опустил тяжёлую клюку на спину прибежавшего слуги, а затем отвесил звонкую пощёчину связанному пленнику. Тяжело дыша, старик обернулся к караульным:

— Быстро прочесать лес! Найдите этих столичных выскочек! На пристань тоже отправьте людей — они не должны уйти с острова живыми!

— Да, староста! Ишь, вздумали мешать нам зарабатывать! Скормим их хозяину леса! — взревели мужики и, громыхая топорами, бросились вниз по тропе.

У входа в храм остались лишь староста и избитый пленник.

От былой елейности, с которой старик встречал магов, не осталось и следа. Его глаза горели безумной жестокостью. Достав из-за пазухи завернутую в чистую тряпицу коричневую пилюлю, он торопливо проглотил её. Затем трижды поклонился тёмному зеву святилища и снова скрылся внутри, чтобы вынести новую порцию ядовитой воды.

Вернувшись, он принялся шептать зловещее заклятие, брызгая тёмной водой вверх. Спустя мгновение Харе почувствовал, как воздух вокруг резко остыл. С ночного неба повалили крупные, пушистые хлопья.

— Снег? — удивился Наоя. Он поймал ладонью снежинку и растёр её пальцами. Она мгновенно растаяла от тепла его тела.

— Нет, берегись! Это не просто снег, — Харе резко поднялся на ноги, спешно окутывая себя плотным слоем проклятой энергии. — В этих хлопьях споры! Если они попадут на кожу, грибница прорастёт прямо внутри нас!

Наоя среагировал мгновенно, высвободив свою проклятую силу для защиты:

— Странно. Этот старик — обычный человек, так откуда у него техника? Та пилюля явно непростая. За ним кто-то стоит. Пойду прижму его к ногтю, пускай выложит всё, что знает.

Сейчас проклятый дух в подземелье беспокоил их меньше всего. Куда опаснее были эти обезумевшие от жадности деревенские жители.

Но едва они приготовились к броску, староста резко распахнул глаза и уставился прямо на их укрытие:

— Они там! Взять их! — взвизгнул он.

В ту же секунду со всех сторон из темноты донёсся угрожающий гул. Лес наполнился тем самым жутким, скрежещущим звуком трущихся друг о друга сухих веток и древесной коры.

— Хм, — Наоя высокомерно хмыкнул и лениво размял запястья. Жалкие крестьяне не представляли для него никакой угрозы. — Убить меня? Смелое заявление для кучки навозных червей.

Харе взгляделся в темноту склона. Тела несчастных, что ещё недавно бездумно раскачивались в речном потоке, теперь неестественно дёргались, карабкаясь вверх по тропинке.

— Жители из реки тоже здесь! — быстро скомандовал Харе. — Делимся. Ты отвлеки толпу, а я займусь этим старым хрычом!

С этими словами он легко взлетел на толстый сук росшего рядом дуба и застыл там, точно изящный кот, оценивая обстановку.

— Не смей мне приказывать, — огрызнулся Наоя, глядя на его худую спину. На его лице проступила надменная усмешка. — Я и сам прекрасно справлюсь с этим сбродом. Твоя помощь мне не нужна.

Харе, уже собравшийся спрыгнуть, замер. Он поудобнее устроился на ветке, выудил из кармана смартфон и принялся сосредоточенно тыкать пальцем в экран. Наоя озадаченно уставился на него:

— Ты что творишь?

— Во, нашёл! — Харе победно улыбнулся и развернул светящийся экран к напарнику. — Гляди. Девятое правило Кодекса шаманов: умышленное причинение вреда обычным людям карается объявлением вне закона и смертной казнью!

Наоя онемел.

— Какое счастье, что я прочитал устав по дороге сюда, — пробормотал Харе, облегчённо прижимая ладонь к груди. — А то подставил бы ты меня под монастырь. И прощай тогда нормальная жизнь.

— Проваливай уже, — процедил сквозь зубы Наоя. У него от злости звенело в ушах. — Ещё пара слов, и я прикончу тебя первым.

Юноша на ветке лишь лукаво сощурил свои лазурные глаза и задорно крикнул на прощание:

— И помни: бить любя! Не смей никого убивать, только вырубай!

Договорить ему не дали — Наоя, не выдержав его щебетания, вихрем умчался вниз по склону. Спустя пару секунд оттуда донеслись первые приглушённые вскрики и глухие удары падающих

тел.

— Отлично, — Харе отряхнул ладони и поднялся в полный рост. — А теперь посмотрим, что за пакость притаилась в этом храме.

Он мягко спрыгнул на землю и бесшумно, ступая босыми ногами по ковру из сухой листвы, направился к площади перед воротами. Староста, оставшийся в одиночестве, завертелся на месте. Шорох шагов доносился из тьмы со всех сторон, но разглядеть приближающегося врага старик не мог. Его охватила паника — решение отослать всех охранников теперь казалось фатальной глупостью.

— Покажись, ублюдок! Иначе я вскрою ему глотку! — истерично закричал сгорбленный старик, прижимая ржавый нож к шее израненного пленника. Его лицо побелело от страха.

— Ну-ну, полегче на поворотах. К чему такая суета? — лениво протянул Харе, выходя под тусклый свет храмовых фонарей прямо под сенью алых ворот-торий.

Увидев, что перед ним всего лишь хрупкий подросток, староста немного приободрился и презрительно сплюнул:

— Хех, неужто молодой господин из клана Дзэн'ин бросил тебя на растерзание?

— А? — Харе удивлённо склонил голову набок. Улыбка не сошла с его лица, но в лазурном взгляде промелькнула ледяная, пугающая пустота. — Послушай, старик. Это ведь торговец древесиной научил тебя всем этим фокусам? Где он прячется?

Интуиция подсказывала ему: загадочный скупщик и есть тот вор, который выкрал артефакт из хранилища Технической школы магии и повесил всех собак на него.

Староста плотно сжал губы, храня молчание. Приглядевшись к лицу юноши при свете ламп, он на мгновение замер — черты лица Харе показались ему смутно знакомыми. Но безумный, леденящий душу оскал парня быстро вымел все лишние мысли из его головы. Старика прошиб холодный пот. Он никак не мог понять, кто перед ним — безумный каратель или безжалостный монстр. Одно было ясно: этот малец прикончит его при малейшем намеке на неповиновение.

Шумно сглотнув, староста принял отчаянное решение. Схватив за ворот полумёртвого пленника, он поволок его по ступеням вглубь тёмного святилища, намереваясь отдать несчастного на съедение подземному божеству.